

Особенности миграционной политики России в 1990 гг.

Морозов Сергей Дмитриевич

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, профессор
кафедры истории и философии, доктор исторических наук, профессор, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления миграционной политики России после распада СССР. Выполнен анализ динамики размещения беженцев и вынужденных переселенцев на территории России.

Ключевые слова: Россия; политика; миграции; беженцы; переселенцы; регистрация; категории; численность; состав.

УДК 314.1

LLC Subject Category: DK293

Введение

К середине 1990 гг. количество беженцев и вынужденных переселенцев в России составляли около 1,2 млн. чел. По имеющимся оценкам, на каждого зарегистрированного беженца и вынужденного переселенца приходилось не менее двух-трех неучтенных, то есть подлинные масштабы вынужденной миграции в России составляли 2-3 млн. человек. Масшовость данного явления ставила перед самими мигрантами и перед принимающей их стороной серьезные проблемы, требовавшие безотлагательного решения [1, с. 85-86].

Беженцы и вынужденные переселенцы начали учитываться в Российской Федерации как особые категории мигрантов с 1 июля 1992 г., причем с 1 января 1994 г. ведется их отдельная регистрация. Даже за этот короткий период в динамике ежегодной численности вынужденных мигрантов произошло, по меньшей мере, два существенных перелома. Рекордная численность вынужденных мигрантов была зарегистрирована в 1992 г., после чего их ежегодный прирост постепенно сокращался. В 1992 г. в среднем в месяц регистрировалось 2,6 тыс. чел. беженцев и вынужденных переселенцев, в 1993 г. – 2,3 тыс. чел., а в 1994 г. – всего 1,8 тыс. чел [5, с. 24].

Целью статьи является анализ динамики размещения беженцев и вынужденных переселенцев на территории России в 1990 гг., изучение характера интеграции беженцев и вынужденных переселенцев в экономические, социальные, этнокультурные и иные общественные структуры российского общества.

Результаты исследования

По данным Федеральной миграционной службы России статус беженца или вынужденного переселенца за 1993 г. оформили 287,5 тыс. чел., а в

1994 г. их численность уменьшилась до 254,5 тыс. чел [5, с. 22]. Явное ослабление напора вынужденной миграции в эти годы стало закономерным результатом затухания наиболее горячих очагов межнациональных конфликтов и прекращения военных действий в Азербайджане, Грузии и Таджикистане.

Вместе с тем, рубеж 1994-1995 гг. стал переломным моментом в динамике вынужденной миграции. Декабрьская военная операция по взятию Грозного, положившая начало вооруженному противостоянию в Чечне, привела к резкому всплеску вынужденной миграции. Сначала из Грозного, а потом и с остальной территории Чечни, в соседние районы буквально хлынули потоки людей, внезапно лишившихся жилья, имущества, документов, физически раненых или испытавших сильнейший психологический шок от потери близких и перенесенных страданий. Уже к 15 декабря 1994 г. в миграционные службы Федеральной миграционной службы России обратилось более 9 тыс. чел., а к концу месяца численность обратившихся возросла до 50 тыс. чел.

Активное развертывание военных действий весной 1995 г. способствовало выталкиванию из Чечни все новых и новых волн мирного населения. На протяжении января 1995 г. за помощью в территориальные миграционные службы обратилось около 90 тыс. беженцев из Чечни, а в феврале – еще 85 тыс. чел., после чего их поток начал заметно сокращаться. Тем не менее, только с января по июнь 1995 г. этот статус получили более 21 тыс. мигрантов из Чечни, что составило примерно седьмую часть общероссийского прироста беженцев и вынужденных переселенцев (152 тыс. чел.) [5, с. 44].

В целом за 1995 г. Федеральной миграционной службы России было зарегистрировано около 272 тыс. вынужденных мигрантов, что на 18 тыс. превысило соответствующий показатель 1994 г. Главными «виновниками» этого всплеска являлись, наряду с Чечней, также республики Центральной Азии и Казахстан. На их долю пришлось 72,5 % годового прироста беженцев и вынужденных переселенцев в Россию, причем чуть меньше половины этого прироста обеспечил один только Казахстан.

В группе республик Центральной Азии первенство по абсолютной численности вынужденных мигрантов удерживал Узбекистан. В 1995 г. почти 60 тыс. мигрантов из этого государства получили в России статус беженца или вынужденного переселенца. Это в 2,2 раза больше, чем из Таджикистана, в 3,3 раза больше, чем из Киргизии и в 13 раз больше, чем из Туркмении [3, с. 70-72].

За первые шесть месяцев 1996 г. в России было учтено всего 63,1 тыс. вынужденных мигрантов, что вдвое меньше, чем в предыдущем полугодии и в 2,5 раза меньше, чем за тот же период 1995 г. Обращает на себя внимание устойчивое снижение темпов прироста мигрантов. За первую половину 1995 г. их количество возросло на 21,6 % по сравнению с началом года, во втором полугодии – на 14 %, а в первой половине 1996 г. прирост составил всего 6,5 % [3, с. 73-74].

Снижение интенсивности вынужденной миграции в наибольшей степени коснулось кавказских республик – отчасти потому, что межнациональные конфликты в Грузии, Армении и Азербайджане удалось вывести из военной стадии, в основном же благодаря тому, что большая часть русского населения, главным образом претендующего на получение статуса беженца или вынужденного переселенца, уже покинула эти республики.

Количество мигрантов из Узбекистана и, особенно из Туркмении, получивших в России статус беженца или вынужденного переселенца, увеличивались гораздо быстрее, чем из двух других республик Центральной Азии, что свидетельствует обо все еще высоком миграционном потенциале этих республик. То же относится и к Казахстану, на чью долю пришлось 47,1 % общероссийского прироста беженцев и вынужденных переселенцев за первую половину 1996 г.

Государства Балтии на общем фоне стран СНГ «поставляли» в Россию относительно небольшую часть вынужденных мигрантов, причем количество их постоянно снижалось. За 1995 г. Россия приняла 9,3 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев из всех трех балтийских государств (3,4 % общего притока за год), а в первой половине 1996 г. их количество составило 2,5 тыс. чел. (4 % полугодового притока вынужденных мигрантов) [3, с. 74].

Медленнее всего сокращался прирост вынужденных переселенцев из Белоруссии. Но в абсолютном исчислении их количество столь невелико (188 чел. за 1995 г. и всего 68 чел. за первую половину 1996 г.), что вряд ли дает основания для корректных выводов. В то же время, этот факт в сочетании с тем, что Украина является единственной среди всех бывших союзных республик, откуда на протяжении 1995-1996 гг. поток вынужденных мигрантов не сокращался, а увеличивался (хотя абсолютные его размеры 1,2 тыс. чел. за первое полугодие 1996 г. не столь уж велики), указывает на то, что даже близость исторического и культурного развития России и соседних славянских государств в определенных политических условиях не является надежным гарантом защиты представителей русской диаспоры в этих государствах [1, с. 85-86].

В отечественной практике, по крайней мере, при постановке на учет органами Федеральной миграционной службы России, принята узкая трактовка понятия вынужденного мигранта. Беженцем, то есть лицом, не имеющим российского гражданства, или вынужденным переселенцем – гражданином России признается лицо, «которое было вынуждено или имеет намерение покинуть место своего постоянного жительства вследствие совершенного против него насилия или преследования в иных формах, либо реальной опасности подвергнуться насилию или иному преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений» [5]. Между тем, предлагаемое многими аналитиками толкование категории беженцев допускает причисление к ним всех тех, чье перемещение не является вполне добровольным. При таком понимании к

беженцам следует относить и тех людей, которые были вынуждены поменять место жительства из-за экологических или промышленных бедствий, а также тех, кого переселили вопреки их желанию из опасения за их безопасность или ради реализации каких-либо правительственных программ [4, с. 45].

Признание такого подхода потребовало бы существенной корректировки действующих в России принципов разграничения двух основных категорий мигрантов – вынужденных и добровольных. В настоящее время это вряд ли осуществимо, поскольку учет каждой из этих групп осуществляется разными органами и совершенно различными способами.

Данные о миграции получали в результате разработки талонов статистического учета прибытий и убытий, заполнявшихся органами внутренних дел одновременно с адресными листками при регистрации населения по месту жительства. Сведения же о беженцах и вынужденных переселенцах накапливала Федеральная миграционная служба России применительно к лицам, официально получившим этот статус в территориальных органах миграционной службы.

Разные принципы учета существенно затрудняли количественное сопоставление этих двух категорий мигрантов. Кроме того, поскольку на протяжении года определенная доля вынужденных мигрантов (о точной величине судить трудно) успевают так или иначе зарегистрироваться по месту жительства, она подлежит двойному учету – и органами Федеральной миграционной службы, и органами внутренних дел. В итоге теряется возможность установить подлинные размеры миграционных перемещений на территории России.

В период 1994-1995 гг. на фоне существенного уменьшения сальдо миграционного обмена России со всеми странами СНГ и Балтии, обусловленного заметно сократившимся притоком мигрантов в Россию (с 1,2 млн. чел. в 1994 г. до 866,8 тыс. чел. в 1995 г.) при почти неизменной величине оттока (345,6 тыс. чел. в 1994 г. и 347,3 тыс. чел. в 1995 г.), динамика вынужденной миграции из разных стран ближнего зарубежья была не столь однозначной. Из семи стран Содружества, включая Белоруссию, Украину, Молдавию, Казахстан, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан, а также из Эстонии количество беженцев и вынужденных переселенцев увеличилось в разной степени. В то же время из Киргизии, всех кавказских республик, а также из Латвии и Литвы статус беженца или вынужденного переселенца в 1995 г. получило меньше граждан, чем в 1994 г [3, с. 70-72].

Размещение беженцев и вынужденных переселенцев на территории России не вполне совпадало с распределением остальных мигрантов. В 1995 г. наиболее многочисленный приток мигрантов отмечался в Центральном, Северокавказском и Поволжском экономических районах, вобравших почти 70 % общероссийского сальдо миграции за этот год. Наряду с этими районами, вынужденные переселенцы довольно часто селились в Уральском и Западносибирском районах. Суммарная численность беженцев и вынуж-

денных переселенцев, прибывших в эти пять районов в 1995 г., составила 74,5 % их общего прироста по России [5, с. 22-44].

В условиях продолжающейся демографической катастрофы, главным выражением которой является почти повсеместное в России превышение смертности над рождаемостью, приток мигрантов, в том числе вынужденных, служит, по крайней мере, частичной компенсацией отрицательного естественного прироста населения, в чем заключается его несомненно позитивный эффект. Вместе с тем, при нынешней ситуации во многих регионах он оказывается дополнительным бременем для экономики и инфраструктуры, ухудшающим без того неблагоприятные социально-экономические показатели и снижающим жизненный уровень населения.

Для экономики России далеко не безразличен тот факт, что из 30 субъектов федерации с наибольшей плотностью вынужденных переселенцев 11 относятся к регионам с высоким уровнем депрессивного состояния, в которых показатели безработицы и спада промышленного производства превосходили общероссийский уровень. К примеру, в Псковской, Брянской, Калужской, Орловской, Тамбовской, Саратовской, Пензенской, Воронежской и Новгородской областях, в Карачаево-Черкесской республике и в Северной Осетии-Алании, имевших наивысшую плотность вынужденных переселенцев, уровень безработицы в 1995 г. варьировал в пределах от 2,5 % (в Саратовской области) до 7 % (в Псковской области) при среднем показателе 2,4 % по России. При этом падение производства в 1991–1995 гг. составляло в тех же областях 76,6 %, тогда как в целом по России продукция промышленности сократилась примерно наполовину [4, с. 34-45, с. 57].

Повышение миграционной нагрузки может стать причиной дальнейшего ухудшения социально-экономической ситуации на названных территориях. А это, в свою очередь, осложнит не только экономические, но и психологические условия адаптации переселенцев, так как опыт показывает, что напряженность в отношениях между отдельными группами населения, наряду с прочими факторами, во многом объясняется еще и общей нестабильностью ситуации в регионе. Недовольство понижающимся уровнем жизни, даже если в его основе лежат объективные процессы нередко переносится на какую-то часть населения, будь то этнические меньшинства или «чужаки» из других регионов, которые в массовом сознании незаслуженно оказываются чуть ли не главными виновниками экономических трудностей. Хотя для самих беженцев экономическое процветание принимающего региона является далеко не самым существенным фактором успешной адаптации. Порой не меньшее влияние на нее могут оказывать привычность климата, близость культуры и языка окружающего населения, снятие иноэтнического давления и лучшие возможности для сохранения прежней самоидентификации мигрирующих групп.

Из сказанного следует, что успешность интеграции беженцев и вынужденных переселенцев связана с решением, по меньшей мере, двух групп проблем: с одной стороны, гуманитарных, заключающихся в максимальном об-

легчении судьбы пострадавших людей и скорейшем обеспечении им условий для полноценной жизни на новом месте, а с другой, – стратегических, предполагающих достижение наибольшего эффекта от их включения в экономические, социальные, этнокультурные и иные общественные структуры принимающей стороны.

Применительно к этой категории мигрантов первоочередной задачей государства является развертывание достаточного числа центров временного размещения (ЦВР) мигрантов, оснащенных всем необходимым для нормального жизнеобеспечения. В 1990 гг. в России функционировало 90 таких центров. По состоянию на 1 января 1996 г. в них проживало 15,9 тыс. чел. (818 семей), в том числе 138,9 тыс. чел. – на территории Северо-Кавказского экономического района: в Краснодарском и Ставропольском краях, в Республике Северная Осетия, Ингушской Республике и Чеченской Республике. Помимо этого, ЦВР развернуты в Ленинградской, Новгородской, Тверской, Липецкой, Тамбовской, Астраханской, Саратовской, Курганской, Оренбургской и Томской областях. Правительством установлен 3-месячный срок проживания граждан в ЦВР, хотя обычно он затягивался намного больше. В 1990 гг. 3,7 % лиц проживало в ЦВР более трех месяцев [2, с. 28; 5, с. 22, 24, 27, 31-32, 44].

Необходимость подобного способа реагирования при массовом чрезвычайном наплыве пострадавшего населения не вызывает сомнений. Его незаменимость доказана в ходе осетино-ингушского и грузино-осетинского конфликтов, сухумской операции, военных действий в Чеченской Республике, размещения, пострадавших в результате землетрясения на Курильских островах, а также в процессе приема и временного размещения вынужденных мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Вместе с тем, власть и общество заинтересовано по возможности минимизировать численность этой категории временных мигрантов, а высвобожденные средства (поглощающие, кстати, более трети всего бюджета Федеральной миграционной программы) направить на обустройство переселенцев, намеренных остаться в России на постоянное жительство.

В этой связи для России вполне актуально звучит призыв мировых специалистов по миграции, высказанный в одном из докладов Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, о настоятельности перенесения акцента с проблемы устройства беженцев на проблему предотвращения насильственных миграций [4, с. 34, 45, 57].

Ведь отстаивая право человека покинуть страну в поисках убежища в другом государстве, нельзя забывать и о том, что не менее фундаментальным является право жить в безопасности в собственной стране. Иными словами, в решении проблем вынужденной миграции должен доминировать принцип превентивности, предполагающий, прежде всего, содействие в создании таких условий внутри государств и во взаимоотношениях между ними, которые бы обеспечивали всем гражданам независимо от их социальной

и этнической принадлежности чувство надежной защищенности у себя на родине и исключали необходимость вынужденного отъезда за ее пределы.

Между тем, решение этой проблемы осложняется множеством факторов, среди которых один из острейших – жилищная неустроенность. Согласно данным выборочного единовременного социологического обследования, проведенного Федеральной миграционной службы России, на момент опроса постоянное жилье имели лишь 29,3 % переселенцев, в том числе 17,3 % жили в собственном доме, 5,6 % – в государственном (муниципальном) фонде, 1,2 % – в кооперативной квартире и 5,2 % – в ведомственной. Примерно четверть опрошенных (25,8 %) проживали во временном жилье, из них 90 % – в гостиницах и общежитиях, средняя продолжительность пребывания которых составляла 20 месяцев, 4,7 % – в специальном жилом фонде (в среднем по 16,6 месяца) и 5,3 % – в ЦВР (в среднем в течение 14 месяцев). Пятая часть опрошенных (19,9 %) пользовалась приютом у родственников и знакомых, а еще 23,9 % переселенцев арендовали жилье [2, с. 28, 30].

Данные показатели сильно дифференцированы по регионам. Самое неблагоприятное положение с жильем сложилось в Белгородской области, имевшей, кстати, наивысшую после Северной Осетии плотность вынужденных мигрантов на 10 тыс. чел. постоянного населения. В этой области лишь 9 % опрошенных семей на момент опроса имели постоянное жилье. В то же время в некоторых областях жилищная проблема была решена более чем у трети и даже половины всех переселенцев. Например, в Новгородской области таковых насчитывалось 32 %, в Ставропольском крае – 33 %, в Алтайском крае – 37 %, в Псковской области – 57 % [5, с. 27].

Более широкие возможности получения жилья в сельской местности по сравнению с городом заставляли многих мигрантов даже городского происхождения селиться в селах. Поэтому, хотя среди переселенцев сохранялся некоторый перевес городских жителей над сельскими, его величина, составлявшая примерно 3 к 2, гораздо ниже, чем в местах выезда. Смена городского образа жизни на сельский как в бытовом плане, так и из-за новой среды общения, а также суженных возможностей трудоустройства и проведения досуга, существенно осложняла процесс адаптации многих мигрантов. Как показывает жизнь, одним из наиболее действенных способов смягчить эту болезненную ситуацию является создание компактных поселений, объединяющих людей со сходной судьбой и общими интересами, особенно если при этом удастся наладить собственную производственную базу, чтобы снизить приобретающую порой унижительные формы зависимость переселенцев от федеральных фондов и муниципального бюджета.

Крайне ограниченные возможности предоставления государственного жилья ставят многие переселенческие семьи перед необходимостью строительства жилья за собственные средства, что зачастую не под силу даже большинству постоянных жителей с более или менее стабильным заработком. Тем более эта проблема неразрешима для переселенцев, лишившихся немалой части своего имущества и накоплений. По данным уже упомянутого

обследования Федеральной миграционной службы, лишь пятой части опрошенных вынужденных мигрантов удалось продать или обменять свое прежнее жилье, 37 % переселенцев смогли вывезти или реализовать основное имущество полностью, еще 26 % – частично, тогда как 22 % переселенцев были вынуждены выехать только с личными вещами, оставив все остальное [5, с. 31-32].

Первые волны вынужденной миграции захватывали более обеспеченные слои населения, чей уровень достатка позволял легче решиться на отъезд и скорее обустроиться в России. Поэтому среди переселенцев с двух-трехлетним «стажем» доля имевших собственное жилье было выше, чем у переехавших относительно недавно. Но со временем под давлением обстоятельств в процесс миграции включались все менее обеспеченные семьи, так что решение жилищной проблемы переселенцев продвигалось очень медленно.

Не менее тяжелое положение складывалось и в сфере трудоустройства переселенцев. В сельской местности, в малых и средних городах, где размещалась большая часть мигрантов, возможности приложения труда не столь уж велики, к тому же, проблема усугублялась практически повсеместным сокращением объемов производства и обострением конкуренции на рынке труда. В итоге значительная часть переселенцев долгое время не в состоянии была найти работу, и по уровню занятости мигранты резко проигрывали постоянному населению.

Несмотря на то, что среди мигрантов доля населения в трудоспособном возрасте выше, чем в среднем по России, количество занятых в экономике (68,5 %) существенно меньше общероссийского показателя (80,8 %). По доле неработающих переселенцы в два с лишним раза превосходят остальное население России. В то же время, доля учащейся молодежи у них вдвое ниже, а неработающих пенсионеров – втрое ниже, чем у всех россиян.

Особую проблему представляет вынужденная реструктуризация занятости мигрантов. Если до переезда почти половина из них занималась преимущественно умственной деятельностью, то в России такого рода работу удалось подыскать менее трети переселенцев, а более половины вынуждены были довольствоваться физическим трудом. Изменение отраслевой структуры занятости также складывается не в пользу мигрантов. Согласно выборочному обследованию Федеральной миграционной службы России, до переезда в промышленности было занято 24,6 % опрошенных, а после переезда – всего 13,7 % в сельском хозяйстве – соответственно 4,4 % и 11,1 %, в просвещении – 11,4 % и 10 %, в науке и искусстве – 4,8 % и 1,4 % [5, с. 31-32]. Все это, даже без учета несомненных психологических сложностей адаптации на новом месте, свидетельствует о том, сколь сложно протекал процесс интеграции переселенцев в российское общество. Тем не менее, многие из них полны решимости перенести подобные трудности и при любых обстоятельствах не намерены выезжать из России. Характерно, что подавляющее большинство мигрантов (78,5 %) безусловно рассчитывают остаться в приняв-

шем их регионе на постоянное жительство, а 17,5 % готовы к этому при условии оказания им соответствующей помощи [5, с. 32].

К сожалению, средств, направляемых государством на выполнение Федеральной миграционной программы, явно недостаточно даже для удовлетворительного решения проблем беженцев и вынужденных переселенцев. Причем, как и многие статьи бюджета, эти средства выделяются далеко не в полном объеме. Из намеченных планом на 1995 г. 1,5 млрд. руб. Федеральной миграционной службы России фактически было перечислено лишь 621,8 млн. руб., в том числе на финансирование строительства жилья и инфраструктуры для вынужденных переселенцев вместо планируемых 469,3 млн. руб. было отпущено всего 236,5 млн. руб. (50,4 %), а расходы по выплате долговременных беспроцентных ссуд на приобретение или строительство жилья при плане в 348,4 млн. руб. реально составили лишь 115,8 млн. (33,2 %) [2, с. 30].

В районах проживания вынужденных мигрантов ими было создано несколько сотен организаций, предприятий и объединений, не только осуществлявших производственную деятельность, но и занимавшихся решением жилищных и прочих проблем переселенцев. В большинстве областей пока создано лишь по одному – два объединения, но в некоторых, как, например, в Оренбургской, Воронежской, Псковской областях, они образовали уже целую сеть. Представители всех этих организаций впервые обсудили многочисленные проблемы обустройства и социально-экономической адаптации вынужденных мигрантов на форуме переселенческих организаций России.

Выводы

Считаем, что повышение миграционной нагрузки могло стать причиной ухудшения социально-экономической ситуации в стране в анализируемом периоде, что осложняло экономические и психологические условия адаптации переселенцев. Опыт показывает, что напряженность в отношениях между отдельными группами населения, наряду с прочими факторами, во многом объясняется еще и общей нестабильностью ситуации в регионе. Недовольство понижающимся уровнем жизни, даже если в его основе лежат объективные процессы, нередко переносится на какую-то часть населения, будь то этнические меньшинства или «чужаки» из других регионов, которые в массовом сознании незаслуженно оказываются чуть ли не главными виновниками экономических трудностей. Хотя для самих беженцев экономическое процветание принимающего региона является далеко не самым существенным фактором успешной адаптации. Порой не меньшее влияние на нее могут оказывать привычность климата, близость культуры и языка окружающего населения, снятие иноэтнического давления и лучшие возможности для сохранения прежней самоидентификации мигрирующих групп.

Список использованных источников

1. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / под ред. Г. Витковской. – Москва : Б. и., 1996. – 151 с.
2. Вынужденные мигранты и государство / [В. А. Тишков, Е. И. Филиппова, Н. А. Воронина [и др.] ; под ред. В. А. Тишкова ; Ин-т этнологии и антропологии РАН. – Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. – 420 с.
3. Численность и миграция населения Российской Федерации в 1995 г. Статистический бюллетень. – Москва : Финансы и статистика, 1996. – 299 с.
4. Положение беженцев в странах мира. 1995: найти решение / [редкол. УВКБ ООН: Дж. Крисп, Р. Холл, М. Рондей-Као] ; [редкол. русского изд.: В. А. Тишков (ред.) и др.]. – Москва : УВКБ ООН : Интердиалект, 1996. – 285 с.
5. Федеральная миграционная служба России. Информационно-аналитический бюллетень. Выпуск 7. – Москва : Госкомстат, 1996. – 245 с.
6. Русские в мире / АН СССР, ИНИОН, Сов. ассоц. по связям с соотечественниками за рубежом ; [С. И. Брук, В. М. Кабузан]. – Москва : ИНИОН, 1991. – Вып. 2. – 78 с.
7. Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века / В. М. Кабузан ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Наука, 1998. – 268 с.
8. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Мысль, 1986. – 270 с.
9. Бабенышев А. П. Потери населения СССР. – Benson (Vt.) : Chalidze, 1989. – 298 с.

© С. Д. Морозов

Статья получена 14.06.2016

Features of Russia migration policy in the 1990

Morozov Sergej

Penza State University of Architecture and Construction, Professor of the Department of History and Philosophy, Doctor of Science (History), Professor, Russia

Abstract. The article considers the main directions of Russia migration policy after the Soviet Union collapse. The analysis of the dynamics of the accommodation of refugees and internally displaced people on the territory of Russia is made.

Keywords: Russia; politics; migration; refugees; migrants; registration; category; size; composition.

UDK 314.1

LLC Subject Category: DK293

References

1. Vitkovskaja, G. (Ed.). (1996). *Migracija russkojazychnogo naselenija iz Central'noj Azii: prichiny, posledstvija, perspektivy* [The migration of Russian-speaking population of Central Asia: Causes, Consequences and Prospects]. Moscow, Russia: n. d. (in Russian).
2. Tishkov, V. A., Filippova, E. I., ... Voronina, N. A. (1998). *Vynuzhdennye migranty i gosudarstvo* [Forced migrants and the state]. V. A. Tishkov (Ed.). Moscow, Russia: Institut jetnologii i antropologii RAN (in Russian).
3. Gosudarstvennyj komitet statistiki. (1996). *Chislennost' i migracija naselenija Rossijskoj Federacii v 1995 g. Statisticheskij bjulleten'* [The size and migration of the population of the Russian Federation in 1995 Statistical Bulletin]. Moscow, Russia: Finansy i statistika (in Russian).
4. Krisp, D., Holl, R., Rondej-Kao, M., ... Tishkov, V. A. (1996). *Polozhenie bezhencev v stranah mira. 1995: najti reshenie* [The situation of refugees in the world. 1995: The search for a solution]. Moscow, Russia: UVKB OON, Interdialekt (in Russian).
5. Federal'naja migracionnaja sluzhba Rossi. (1996). *Informacionno-analiticheskij bjulleten'. Vypusk 7* [Information-analytical bulletin. Issue 7]. Moscow, Russia: Goskomstat (in Russian).
6. Bruk, S. I., & Kabuzan, V. M. (1991). *Russkie v mire* [Russian world]. Moscow, Russia: INION (in Russian).
7. Kabuzan, V. M. (1998). *Jemigracija i rejemigracija v Rossii v XVIII I – nachale XX veka* [Emigration and re-emigration in Russia in XVIII - the beginning of the XX century]. Moscow, Russia: Nauka (in Russian).
8. Shkarenkov, L. K. (1986). *Agonija beloju jemigracii* [Agony of white emigration] (2nd ed.). Moscow, Russia: Mysl' (in Russian).
9. Babenyshev, A. P. (1989). *Poteri naselenija SSSR* [Loss of population of the USSR]. Benson, Vt.: Chalidze (in Russian).

© S. Morozov

Received 14.06.2016